

Н. И. ПРАШКОВИЧ

«Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» — новый этап в истории белорусской литературы

До настоящего времени в белорусском литературоведении распространено мнение, что новая белорусская литература совсем не связана с литературой древней, что свойства новой литературы, ее специфические качества формировались на совсем иной эстетической основе и между литературой XVI—XVII вв. и новой литературой — XIX в. лежит XVIII век, который обычно называют периодом упадка. В большинстве исследований подчеркивается не то, что связывает новую литературу со старой, а, наоборот, то, что разъединяет, и это приводит к не совсем обоснованным выводам.

При беглом знакомстве с историей белорусской литературы XVII—XIX вв. может сложиться впечатление, что литературный процесс протекал именно так, что старая белорусская литература имела одни задачи и эстетические функции, а новая — совсем иные, что действительно после бурного литературного развития XVI—XVII вв. в XVIII в. был полный застой.

Все это далеко не так, и сам литературный процесс не был таким простым, как может показаться на первый взгляд.

Каждое явление в литературе, как известно, продукт своей эпохи, отражение в той или иной степени жизненных потребностей времени. Это общее правило, способы же выражения этих принципов и идеалов бывают самые разнообразные.

С этой точки зрения представляют большой интерес два своеобразных памятника древней белорусской литературы — «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча». Оба произведения в какой-то степени стоят особняком среди произведений XVII в.

«Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» в свое время не были напечатаны, они бытовали в рукописях. Впервые «Прамова Мялешкі» была напечатана в 1819 г. в переводе на польский язык Немцевичем;¹ рукопись, с которой делался перевод, позже погибла. В 1851 г. М. Вишневецкий напечатал это произведение по рукописи библиотеки Хребтовичей;² в 1862 г. П. Кулиш перепечатал его в переводе на украинский язык.³ В 1865 г. «Прамову Мялешкі» напечатал Н. И. Костомаров, введя в текст ряд

¹ J. Niemcewicz. Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce, t. II. Warszawa, 1819, стр. 341—344.

² M. Wiszniewski. Historia literatury polskiej, t. VII. Kraków, 1851, стр. 480—484.

³ См.: «Основа», кн. 6, СПб., 1862, стр. 13—16.

украинизмов;⁴ он не указал, с какого источника делалась публикация, а позже этот источник не был обнаружен. В 1926 г. новую, наиболее полную редакцию напечатал известный белорусский ученый В. Ластовский.⁵

«Ліст да Абуховіча» известен в трех списках. Впервые его исследовал и напечатал в 1910 г. В. Ластовский по копии рукописи Краковской библиотеки.⁶ В 1926 г. он напечатал произведение по рукописи, которая в то время хранилась в Вильне в музее Ивана Луцкевича.⁷ В 1927 г. Д. Давгяло напечатал так называемый одесский список.⁸

«Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» открывают качественно новую страницу в истории белорусской литературы. Именно они убедительно говорят о том, что литература в это время начинает терять свои чисто служебные функции и в большей степени приобретает функции эстетические.

Известно, что вся литература восточных славян до XVII в. в той или иной степени имела практическое применение. Либо это был поучительный рассказ из жизни христианского подвижника («житие»), либо описание «святых мест», рассчитанное не столько на любознательного, сколько на благочестивого читателя («хождение»), либо изложение истории государства, используемое для обоснования политических доктрин или прославления государственных деятелей (летопись), либо защита различных религиозных догм (полемическая литература) и т. д. Соответственно и авторы указанных произведений были очень привязаны к схеме, по которой создавался соответствующий жанр, к фактическому материалу, которым они оперировали, к религиозным догмам и церковным обрядам, которые они защищали или отвергали.

Совсем в ином плане написаны «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча». Для обоих произведений в значительной степени присущи приемы художественной типизации. Оба автора стремятся подать материал обобщенно, показать то, что является характерным, проникнуть в сложные и противоречивые жизненные ситуации. Произведения, по существу, нельзя отнести ни к одному известному тогда жанру. По своему же содержанию это политическая сатира. Критика существующих порядков в произведениях ведется очень своеобразно.

«Прамову Мялешкі» долгое время считали действительным выступлением мстиславского каштеляна Ивана Мялешки на Варшавском сейме. Только в 1894 г. было доказано, что это — литературное произведение, не имеющее непосредственного отношения к реальному Ивану Мелешке и его участию в работе сейма.⁹

Главный герой произведения одновременно и рассказчик: речь ведется от имени Мелешки. Но, безусловно, автора и героя произведения нельзя отождествлять. Из «Прамовы Мялешкі» видно, что ее автор был образованным человеком, хорошо понимал то тяжелое, по существу безысходное, положение, в котором очутилось Великое княжество Литовское после Люблинской унии, понимал, что под напором польских феодалов начинают

⁴ Акты, относящиеся к истории южной и западной России, т. 2. СПб., 1865, № 158.

⁵ В. Ластоўскі. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна, 1926, стр. 446—449.

⁶ В. Ластоўскі. Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня, 1910, стр. 72—75.

⁷ В. Ластоўскі. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі, стр. 446—449.

⁸ Д. І. Даўгяла. З беларускага пісьменства XVII в. — Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ул. У. Леніна, Мінск, 1927, № 16, стр. 169—211.

⁹ Н. Ф. Сумцов. Речь Ивана Мелешки как литературный памятник. — Киевская старина, 1894, май, стр. 195—213.

рушиться национальные устои, народные традиции. Подобные взгляды характерны и для главного героя, но он имеет и значительные отличия. Автор наделяет его такими чертами, которые ему самому не были присущи. Так, главный герой иногда предстает перед читателем в достаточно смешном виде, кажется «недалеким» провинциалом. Его рассуждения тогда наивны и комичны (например, тирада против часов, ибо петухи, по его мнению, показывают время лучше, чем всякие часы).

Авторский прием наделения героя комическими чертами оправдал себя. Критика общественных пороков Речи Посполитой ведется в произведении остро и тонко, в чем выявился большой талант автора, писателя-публициста.

По этому же принципу, но несколько в ином плане написан «Ліст да Абуховіча». Если первое произведение является «подложным» выступлением в семье, то другое — «подложным» посланием, где форма послания — лишь способ выражения авторской мысли.

Автор произведения Цыпрыян Камуняка пишет письмо Абуховичу после того, как тот сдал Смоленск русским войскам 24 сентября 1655 г. В то время начало распространяться мнение, что Абухович, начальник Смоленского гарнизона, был подкуплен командующим русскими войсками.¹⁰ Автор произведения придерживается этого же мнения. В лице Абуховича он критикует польские феодальные порядки, представителей польских властей на белорусских землях, их хищничество и жадность. «Подымного (подати, — Н. П.) никто не быв прычыною, только вошмосць, которым выкурыл наших мужыков, як воробьев з веников».

Способ подачи материала в обоих произведениях также своеобразен. Герои в них в известной мере являются типическими. И автор «Прамовы Мялешкі», и Камуняка, написавший «Ліст да Абуховіча», не следовали никакой схеме, не стремились писать по установленному шаблону. Их герои — не канонические герои житий, не безликие герои «хождений», не этикетно-схематические князья из многих летописей, а живые, полнокровные люди. Более того, авторы стремятся в какой-то степени раскрыть причины, породившие те или иные качества характера героев. Например, Камуняка говорит о привилегированном положении крупной польской шляхты на белорусских землях, отмечает, что еще дед и отец Абуховича были известными взяточниками, что вся польская шляхта ведет себя на белорусских землях подобным образом. Отсюда он делает естественный вывод, что и сам Абухович не мог пойти иным путем.

Критика порядков, существующих в те времена на белорусских землях, ведется также новыми средствами и приемами. Вся предыдущая литература критиковала то или иное явление как факт сам по себе, не стремилась раскрыть внутренние причины, его породившие. «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» выделяют новым подходом к событиям и фактам. Они противопоставляют современность прошлому, в значительной степени идеализируя последнее. Но главное в том, что эти произведения показывают, как постепенно, под влиянием известных сил «идиллические» нравы уступают иным порядкам, которые и являются объектом критики. Авторы прослеживают процесс укрепления экономического и политического могущества польских феодалов на землях Белоруссии и Литвы, даже пытаются найти какие-то пути выхода из подобного положения.

Таким образом, человек, главный объект изображения литературы, теперь показан не схематично, а во всей его сложности, что присуще

¹⁰ В самом деле гарнизон Смоленска был очень немногочисленным и состоял чуть ли не наполовину из наемников, что и обусловило его слабость.

именно поздним произведениям, таким как «Камедыя» Марашевского; как «гутаркі» XIX в. и т. д.

Со стороны языка и стиля «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» также коренным образом отличаются от предшествующей белорусской литературы. Известно, что в древней литературе тот или иной жанр требовал определенных стилевых средств, — иначе говоря, каждый жанр имел свой, присущий именно ему стиль. Конечно, от этого правила могли быть некоторые отступления. Но в целом этот принцип оставался неизменным. «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» и в этом отношении стоят особняком. Они написаны так образно и лаконично, как только умеет говорить народ. Авторы пользуются живым народным языком, значительно развивают те языковые традиции, которые были заложены в юридических памятниках, продолжены позже в белорусских летописях, в творческой практике Ф. Скорины, В. Цяпинского и др. Произведения пересыпаны народными пословицами и поговорками, яркими сравнениями, например: «увалявся есь у великую славу, як свиня у грась», «хотя з рогатиною на варте стой, в живые очы такого беса не упилнуеш», «а тые копы пострыгут не одного в хлопы», «сивизна в бороде и чорт в лидвах за поесом», «в рот правдою, як солею в очы, кидывали», «а подолок рухаеця, а коло подолка чепляеця» и т. д.

Своеобразна композиция произведений. На первый взгляд может показаться, что в них отсутствует внутренняя логическая последовательность. Так, «Прамова Мялешкі» начинается с обращения к «милостивому» королю, с сообщения, что герой счастливо приехал на сейм «радिति». Вслед за тем герой сообщает, что ранее на таких сеймах никогда не бывал, тем самым будто бы извиняясь за свою неосведомленность. Но уже следующая фраза, в которой утверждается, что «бывало правым сердцем просто говорыли, политики не знали, а в рот правдою, як солею в очы, кидывали», отвергает предыдущее мнение. Из нее хорошо видно, что герой не такой уже и простак, каким себя показывает. Это человек принципиальный и мужественный, который может в любое время «солею в очы» бросить. В дальнейшем повествовании автор много внимания уделяет Сигизмунду III, сравнивает его с Сигизмундом I, высказывая попутно свое отношение и к польским шляхтичам, и к тем людям, в которых «наша костка, аднак собычим мясом обросла и воняет».

Но только при первом знакомстве с «Прамовай Мялешкі» ее композиция кажется такой хаотической. В действительности же «отступления» от главной линии рассуждений не разрушают его композиционного единства. Все в нем подчинено замыслу автора: противопоставить Великое княжество Литовское Польше, белорусский уклад жизни — польскому укладу, вообще все свое — всему иноземному.

«Ліст да Абуховіча» более прост по своему композиционному построению, но и в нем имеется целый ряд отступлений от основной сюжетной линии. Эти отступления связаны главным образом с воспоминаниями о «добром» старом времени, с рассказом о смерти Остика, наказанного за свою шпионскую деятельность, и т. д.

Особенностью «Ліста да Абуховіча» является и то, что он написан в значительной своей части рифмованной прозой. Во многих местах произведения отчетливо чувствуется рифма, например: «Смоленск оддали, то и титул продали», «Москва соболи продовала, всю Русь з людзьми одобрала», «кто заживает, тот ничего не дбаец» и т. д.

Сходно выражение авторских взглядов в обоих произведениях. Во всей предыдущей литературе идея как бы «лежала на поверхности», многие из них заключались дидактической сентенцией. Идея в «Прамове Мялешкі» и

«Лісте да Абуховіча» вытекает из всего хода рассуждений: стремление к независимости белорусско-литовского государства — Великого княжества Литовского, защита белорусского национального уклада жизни, белорусских нравов и обычаев. Исходя из защиты национальных интересов, авторы и обрушивают весь свой гнев против польских феодалов. Не сторонники они и Русского государства, особенно усилившего свою захватническую политику в XVII в. в отношении белорусских, украинских и литовских земель.

Начиная с «Прамовы Мялешкі» и «Ліста да Абуховіча» качества, присущие новой литературе и впервые так отчетливо выявившиеся в указанных произведениях, в дальнейшем становятся обычным явлением. Правда, эти новые качества впервые появились уже в некоторых белорусских летописях, например в «Хроніцы Быхаўца»; позже они нашли яркое воплощение во многих стихотворениях С. Полоцкого, «Камедыі» Марашевского, интермедиях; наконец, эти традиции в XIX в. будут развиты в стихотворных «гутарках».

Таким образом, новая белорусская литература возникла не изолированно от старой, а постепенно развивала те черты, которые появились в ней еще в XVII в. Поэтому нет оснований говорить о перерыве в развитии белорусской литературы, о полной изолированности новой литературы от старой.
